

ЙОКИЧ ЯСМИНА
(Сербия, Нови Сад)

СТРАХ ПЕРЕД СВЯТЫНЕЙ — КУЛЬТ СВЯТЫХ ДЕРЕВЬЕВ В СЕРБСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ¹

Аннотация. Статья посвящена культуре деревьев в сербской народной традиции, в частности рассматриваются поверья о святых деревьях. В их основе лежит широко распространенная вера в то, что деревья обладают магической силой. Они нашли свое отражение в местных преданиях о конкретных культовых деревьях (серб. «запис»), растущих на территории определенной сельской общины. Центральным мотивом подобных сюжетов, независимо от видов деревьев, является запрет на осквернение святыни (рубку дерева или уничтожение его частей) и наказание, постигающее нарушителя данного запрета и его общину. **Ключевые слова:** культ деревьев, святое дерево, предание, запрет, сербская народная традиция.

В сербской народной традиции культ деревьев проявляется в широко распространенной вере в их особую магическую силу. Деревья могут быть *тенистыми* (серб. *сеновита*), т. е. находиться во владении хорошего или злого демона [Чајкановић 1940, 113—115]. Такие верования в основном описаны в многочисленных местных преданиях о конкретных деревьях, растущих на территории определенной сельской общины. Вук Караджич в «Жизни и обычаях сербского народа» приводит пример, объясняющий понятие *тенистый* (серб. *сеновит*): *В Грбле существует предание, что, кроме больших деревьев (буков, дубов и т. д.), иногда появляются и тенистые деревья, тящие в себе такую силу, что тот, кто их*

¹ Работа написана в рамках проекта «Аспекты идентичности и их воплощение в сербской литературе (№ 178005)», осуществляемого в Отделении сербской литературы философского факультета в Нови-Саде при финансовой поддержке Министерства образования, науки и технологического развития Республики Сербия.

срубает, сразу умирает или долгие годы, до самой смерти, болеет [Караџић 1867, sv *сеновит*].

Упомянутое местное предание, хотя оно и представлено в форме короткого сообщения о существовании *тенистых* деревьев, можно рассматривать как парадигматический образец, поскольку многочисленные похожие примеры встречаются во всех областях, населенных сербами. Общий мотив, занимающий центральное место во всех подобных преданиях, независимо от того, о какой породе деревьев идет речь, без сомнений, представляет собой табу², не позволяющее осквернение (рубку ствола или ломание/отрывание какой-либо части дерева и т. п.). В большинстве примеров не указана причина, по которой некоторые деревья считаются *тенистыми*, т. е. табуированными. Речь идет об остатках анимистических верований, согласно которым «контакт с деревом представляется как контакт с его душой (духом, живущем в нем)», и осквернение дерева трактуется как оскорбление духа этого дерева, из-за чего следует наказание [Bandić 1980, 242].

На важность культовых деревьев указывает и тот факт, что окружающая их местность может быть названа в их честь, как, например, в случае с вязом, по которому его окрестности были названы *Святыня*³. На дереве были пове-

² «Под понятием *табу* подразумеваются все действия, места, существа, предметы или слова, находящиеся под каким-либо запретом, которые выведены из повседневного употребления, поскольку считаются *святыми*, *посвященными* или *опасными* и *нечистыми*. Нарушение запрета или ограничений вызывает последствия для самого нарушителя или для всего коллектива. Конечно, опасность, возникающая из-за нарушения законов, не подлежит рациональному объяснению. Поэтому легко вывести заключение, что табу можно причислить к явлению, происхождение которого нужно искать в области магии и религии» [Bandić 1980, 7—8].

³ Понятие *святыня* (святое место) подразумевает различные культовые объекты: деревья, лечебные источники, камни, старые кладбища или могилы, развалины монастырей и церквей [Ђокић 1996, 117]. Отношение к таким культовым местам всегда исполнено глубоким уважением — *старанием не нанести вреда святыням* [Ђорђевић 1940, 179].

шены иконы св. Петки, а посещали его рано утром в первую неделю молодой луны (серб. *на Младу недељу*), потому что существовало поверье, что с помощью обряда под деревом можно вылечить разные болезни. В этнологических исследованиях недавнего времени отмечалось, что среди жителей в данной области бытует множество рассказов о конкретных случаях выздоровления, как, например: у одного человека, который работал в праздник, заболел ребенок, а выздоровел, только когда он его умыл и положил у вяза. Также осталось в памяти, что некий мальчик умер, потому что брал деньги, которые выздоровевшие оставляли у этого вяза. Когда старый вяз засох, никто из местных жителей из страха перед наказанием не хотел убрать его остатки — это сделал *некто Славко*, валах по происхождению. Также никто из сельчан не хотел работать на археологических раскопках (римского и ранневизантийского поселения), проводящихся на *Святыне*, и существует история о том, что членов археологической группы позже настигли несчастья [Ђокић 1996, 118—119]. Упомянутый вяз, безусловно, имел статус святого дерева, на что указывает не только название *Святыня* и целебная сила, приписываемая ему, но и особое маркирование иконой Св. Петки, считающейся защитницей этого края. Похожие верования присутствуют и в недавно опубликованном рассказе о чудесном отпечатке образа этой святой на коре одного вяза. Некоторые местные жители утверждают, что в данном месте было срублено два дерева, а когда владельцы участка хотели срубить и этот вяз, *что-то* им шепнуло: *Не рубите меня!*⁴ Это добавление к рассказу о современном чуде явно свидетельствует о сохранении до наших дней старых верований в табуированность святых деревьев и одновременно подтверждает замечание Веселина Чайкановича о том, что большие вязы с богатой листвой обычно считаются святыней [Чайкановић 1994, 47].

⁴ URL: <http://www.blic.rs/Vesti/Reportaza/99636/Sveta-Petka-u-brestovom-drvetu/>

Записаны многие примеры почитания культовых дубов и рассказы об их целебной силе [Трифунски 1975, 131—134]. Лечебным считали и чернильно-орешковый дуб, о котором существует предание в области Лесковаце. Например, одна женщина срубила дерево, из которого сразу *потекла какая-то жидкость, употреблявшаяся как лекарство для глаз*, и сразу была «сшиблена» (серб. «*смаћена*»). После этого она часто ходила к этому дереву, кропила его святой водой и раскаивалась в том, что сделала [Ђорђевић 1985, 139].

Деревья, которые по каким-либо причинам считали святыми и табуированными, сохранялись благодаря этому на протяжении ста и более лет. Их обычно выбирали в качестве главных сельских заветных знаков (серб. *записе*) о чем существует ряд этнографических свидетельств⁵. Таким образом произошло соединение старых языческих и новых (христианских) религиозных пластов, причем полностью сохранилось первичное верование в святость и особую магическую силу деревьев. Согласно этнологическим формулировкам, *запис* является культовым местом с освященным деревом, каменным столбом или крестом, у которого совершаются молитвы (серб. «*богомље*») в заветные дни⁶ [СМР, 188], одновре-

⁵ *Большое число старых вязов, пушистых и скальных дубов народ почитает, и многие из них отмечены при совершении крестных ходов (каждый год в их коре вырезывали крест), и они и по сей день стоят в полях некоторых поселений* [Ђорђевић 1985, 138]. *Почти каждая область (серб. «махала») или род в селе имеют свое заветное дерево (серб. запис). Это гигантские деревья, чаще всего дуб, липа, орех и др. Люди сами выбирают свое дерево, а священник его освящает и вырезает в стволе крест с западной стороны* [Петровић 1948, 214]. *В селах в Скопийской Черногории прежде были свои крестные ходы, во время которых жители, как правило, посещали некоторые места с культовыми деревьями...* [Трифунски 1975, 133—134].

⁶ В большинстве поселений серб. «*заветина*» была главным сельским праздником, в котором участвовали все жители как единый культовый коллектив, а отмечался он в память о *заветном дне* — обычно это был день, когда в селе произошло какое-либо

менно это дерево, которое в обрядах (серб.) «заветине» и «крстоноша»⁷ выполняет функцию святого объекта или святилища [Тодоровић 2005; Зечевић 2008, 869—889]. Во многих этнографических источниках подчеркивается, что все члены определенного коллектива считают это дерево особым: *Это дерево почитается как священное* [Милићевић 1894, 127]. На это указывают и сами названия: *святое дерево* [Мијатовић 1907, 137], *миро дерево* [Матић 2009, 49], т. е. святыня. Главное заветное дерево называется еще и (серб.) «*богомолья*» [Грбић 1909, 213] или *молитва* [Ивановић-Баришић 1995, 48], поскольку рядом с деревом совершается главная часть церковного обряда освящения. Главное священное дерево обычно находится в центре села и таким образом, на символическом уровне, представляет собой *центр мира (космическую ось)* данного коллектива, в то время как остальные деревья распределены в форме круга вокруг села, и таким образом одновременно отмечают его границы и защищают их. Всё это указывает на то, что святые деревья в традиционном обществе воспринимаются как посредник между *этим* и *другим* миром [Ђокић 1986, 167; Драгојловић 1998, 133—137; Тодоровић 2005, 208, 337—339].

Заветное дерево сначала почитали как святой объект, о чем свидетельствуют следующие этнографические данные: *В древние времена, говорят, люди снимали шапки, когда проходили мимо заветного дерева, а женщины останавливались и кланялись ему. Сегодня этого не делают, но почитают его и считают, что оно знает все, даже понимает человеческие мысли* [Милосављевић 1914, 209].

Дерево, выбранное как *запис*, обязательно является табуированным, т. е. неприкосновенным. Для освящения несчастье: пожар, наводнение, мор, и в этот день жители сами себе напоминают о молитве и дают обет прославлять Бога [Недельковић 1990, 89—92].

⁷ «Крстоноше» — это участники общего сельского праздника, которые ходят по обочинам полей, неся крест [Там же, 127—130, 141—142]. До сих пор самое полное структурное описание данного обряда можно найти в: [Тодоровић 2005].

выбираются только определенные сорта деревьев, чаще всего дуб (чернильно-орешковый) и вяз [Чајкановић 1994, 47, 206—207, 209]. Тот факт, что часто в роли заветного дерева выступает дуб, некоторые этнологи объясняют тем, что первично он был посвящен праславянскому богу-громовику Перуну (Чајкановић 1940, 113; Зечевић 2008, 876—878). Об этом свидетельствуют и многие этнографические источники, в которых утверждается, что в народе существуют представления о заветном дереве как *защите от облаков* [Грбић 1909, 213], и *что хорошо, когда у кого-либо имеется «запис», так как оно сохраняет урожай от ненастья* [Мијатовић 1907, 137]. Во время ударов грома под заветное дерево прячутся, потому что верят, что в такое дерево гром не может ударить, а если и ударит, не может причинить вреда ни дереву, ни тем, кто находится под ним [Милосављевић 1914, 209]. С другой стороны, каждый ущерб, нанесенный такому дереву, может вызвать возмездие сверхъестественных существ, властвующих над атмосферными явлениями, и человек, совершивший его, или его ближний погибнет от удара грома, или пострадает его имение. В соответствии с этим почитается каждое дерево, в которое ударил гром [Зечевић 2008, 876].

В некоторых этнографических источниках, кроме упомянутых видов (дуб и вяз), упоминаются и плодовые деревья, в основном груши и яблони [Филиповић 1972, 199; Ђорђевић 1958, 231—232], черешни [Ивановић-Баришић 1995, 48], а в некоторых отмечается, что при выборе дерева для освящения нужно смотреть, чтобы оно было *плодоносящим* [Мијатовић 1907, 137], т. е. нужно *особенно стараться найти плодоносящее* [Милосављевић 1914, 208]. В более современных этнографических исследованиях также подчеркивается, что заветным деревом является *святое дерево, приносящее плод* [Пантелић 1974, 221]. В некоторых областях в качестве деревьев для почитания выбираются дуб и дикая груша [Петровић 1992, 302]⁸.

⁸ О типологической схожести дуба и плодовых деревьев в ритуальной практике южных славян см.: [Агапкина 1994, 106—107].

Запреты контакта с такими деревьями отмечены в разных областях Сербии, например: *Заветными деревьями (записи) являются большие тенистые (серб. сеновита) деревья, которые ни в коем случае нельзя рубить, пока они сырые* [Ђорђевић 1958, 231]; *«Запис» нельзя осквернять, его плоды нельзя срывать, и само дерево нельзя рубить. Поэтому многие заветные деревья очень старые* [Петровић 1948, 214]. В статье о народных суевериях в Сврлиге один этнограф конца XIX в. в связи с упомянутыми запретами записал: *Не следует рубить дерево-«запис», залезать на него и жечь его ветви, даже если они сами опадают, иначе умрешь, так как это святыня, которую нельзя осквернять* [Васильевић 1996, 59]. Современных этнологических исследования в этой местности подтверждают указанные наблюдения и фиксируют сохранение рассказов о культовых деревьях и запретах, с ними связанных [Петровић 1992, 302].

Кроме того, что никому не позволено рубить *святыню*, запрещается и залезать на такое дерево, оно часто и ограждается, чтобы *скот его не пачкал* [Грбић 1909, 213], *вокруг него соблюдается чистота* [Мијатовић 1907, 137]⁹. Забор вокруг святыни обычно ставят владельцы участка, на котором находится такое дерево, в основном это делают *как обет, в случае болезни члена семьи или какого-нибудь другого несчастья* [Пантелић 1974, 221].

Чтобы место оставалось чистым, запрещается плевать, испражняться и даже спать под отмеченным крестом деревом [Зечевић 2008, 875—876], на-

⁹ Как и все святилища, в которых совершались молитвы и приносились жертвы, место нахождения *записи* точно определено и ограничено многочисленными табу, установленными коллективом, чтобы на воображаемом плане создать границу вокруг святого пространства. *Запись* можно считать определенным типом первобытного храма, о чем свидетельствуют многочисленные примеры в восточной Сербии, где в местах рядом с центральной *записью* в селе часто построены и часовни, а почти во всех сербских селах, в местах, где когда-то находилась центральная *запись*, позже построены церкви [Драгојловић 1998, 136—137].

пример: *В иных местах стараются сохранить ветви дерева, на котором есть «запис», чтобы их никто не резал, и никто никогда под таким деревом не будет испражняться или что-либо неприличное делать* [Милосављевић 1914, 209].

Запрет на сон¹⁰ под заветным деревом (без какого-либо осквернения) сохранился и в современных рассказах, например: одна женщина после сбора урожая заснула в своем поле под деревом, про которое не знала, что оно когда-то было *миром* (заветным), и после этого родила ребенка, с которым *было не все в порядке* [Петровић 1998, 330].

Представления о трагической судьбе, неизбежно наступающей нарушителей указанных правил, отразились в преданиях, которые долгие годы хранятся в определенном коллективе и передаются последующим поколениям. Эти предания в основном однообразны и очень сжаты: содержат основную информацию о преступнике (иногда приводятся и конкретные имена), о типе преступления и способе наказания. В некоторых источниках описано только поверье, что рубка заветного дерева — это большой грех, за который следует большое наказание, например: *Такое дерево никто не будет подрезать и рубить; если кто-либо это сделает, его семья и род вымрут* [Милосављевић 1914, 209]. Конкретизируются данные верования в преданиях о лицах, которые такой грех (якобы) действительно совершили, что подтверждает существование в преданиях этого типа *тенденции разьяснения, но всегда при помощи уже усвоенных мотивационных схем в рамках народного верования и традиции* [Милошевић-Ђорђевић 2006, 173].

Например, в одном селе *ходят рассказы* о том, как *один человек срубил святое дерево*, после чего у него умерли сыновья [Тодоровић 2005, 60]. Похожие

¹⁰ Согласно анимистическим верованиям, сон в определенное время и в определенном месте опасен, потому что в это время душа, находясь вне тела, соприкасается с сверхъестественными существами и подвержена их воздействию. Поэтому обрядная практика, связанная с определенными породами деревьев, часто подразумевает запрет сна [Bandić 1980, 252].

предания записали и другие исследователи. Так, у человека, срубившего культовое дерево перед зданием Общины¹¹, после этого погиб сын, а еще об одном ходят слухи, что сначала пострадал он сам, а потом и его семья [Токић 1986, 161]. На верху горы Гоч построена часовня (деревянная постройка с крестом наверху) на том месте, где когда-то росло заветное дерево, срубленное нарочно одним местным жителем. *Имени его никто не помнит*, но рассказы о злом роке, наступившем этого человека, долго бытовали в этой местности. Веру в святость заветного дерева жители местного села объясняют следующим образом: *Желео је, ваљда, да нам докаже да смо сујеверни и заостали, али је, на његову жалост, доказао само да се светињама није играти. (Он, наведено, хотел нам доказати, што ми сујеверни и отстали, но, к его сожалењу, он только доказал, што со светињама играти нељеза)*. Всего несколько месяцев после осквернения святыни у этого *несчастливого человека* погиб сын при рубке деревьев в близлежащем лесу. Чтобы сохранить свое село, жители на месте загнившего пня построили часовню, а в нескольких метрах от нее посадили его отросток, который взял на себя роль дуба¹².

Никому не позволено рубить заветное дерево, даже если оно находится на твоем собственном участке земли. Например, в селе Суково, несчастье, постигшее одного человека, сельчане объясняют тем, что он срубил *миро древо* в своем имении [Матић 2009, 49]¹³. Иногда сам нарушитель табу с опоз-

¹¹ Обычно около священного дерева, находящегося в центре села, со временем создается общественный, политический, юридический, образовательный и экономический центр, т. е. школа, здание областного управления, церковь и т. п. [Барјакатровић 1952, 12—13], что, наверное, имеет место и в данном примере.

¹² URL: <http://www.badnjak.com/forum/viewtopic.php?f=5&t=43&start=90>

¹³ В некоторых областях (Средачка жупа) владелец имения, в котором находится заветное дерево, считается *хозяином дерева* и он им остается и в случае, когда продает свое поле — только он навсегда имеет право совершать ритуал вырезания и обновления креста [Влаховић 1931, 47].

данием понимает, за что его постигло наказание, например: *Опасна је то работа. Ја сам својевремено на свом имању посекао заветовано дрво. После тога сам од њега направио даске за мртвачке ковчеге — за dedu који је умро напречац и за мајку коју ми је убио гром*¹⁴. *(Это опасные дела. В свое время я сам срубил заветное дерево. После этого я из него сделал доски для гробов, в которых похоронил дедушку, скоропостижно умершего, и мать, пострадавшую от грома)*.

Самое большое число преданий, связанных с умышленной рубкой заветных деревьев, датировано периодом непосредственно после Второй мировой войны, когда новая власть пыталась насильственно отменить обряд *крестоносцев*¹⁵. Как сообщают некоторые исследователи данного обряда, до наших дней сохраняется память о случаях, когда «продвинутые идеологи» после войны сносили столетние деревья, а затем в их семьях происходили несчастья [Петровић 1992, 302]. В одном селе, недалеко от Сврлига, коммунисты вытащили и выбросили крест, находящийся рядом со священным деревом, после чего все *заболели и их жизни плохо кончились* [Тодоровић 2005, 45]; а в шумадийском селе Влакчи (недалеко от Рудника) в 1960 г. была срублена старая груша, возрастом около трех веков, чтобы рядом со школой могла быть построена спортивная площадка. Поскольку никто из местных жителей не

¹⁴ URL: <http://forum.badnjak.com/viewtopic.php?f=5&t=43&start=50>

¹⁵ До Второй мировой войны литийный ход (или крестоносцы, серб. «крстоноше») был одним из самых важных и самых сложных ритуалов сербской народной религии, который собирал все село, как общественный и религиозный коллектив [Тодоровић 2005, 196]. До 1947 г. литии проводились как и раньше, но с этого года начались их запреты, с объяснениями, что органы церковных властей нарушают закон, регулирующий общественные собрания. В партийных сообщениях из таких мест часто указывалось, что большинство людей, собравшихся на литиях, враждебно относятся к новому государственному строю (*реакционные элементы*), из-за чего некоторых участников обряда даже арестовывали, а сам обряд запрещали [Radić 1995, 191].

хотел рубить дерево, это сделал сельский учитель, который едва нашел еще двух помощников. Ходят слухи, что божие наказание настигло их вскоре, когда сначала погиб учитель, соединяя провода на электрическом столбе, а два года спустя гром убил одного из его помощников. И когда уже все были убеждены, что третий член как-то *проскользнул* (остался без наказания), в 1968 г. он пострадал в тяжелой автокатастрофе и умер в больших страданиях. И в других шумадийских селах зафиксированы рассказы о том, что представители *новой власти* убеждали сельчан рубить старые деревья с вырезанными крестами во имя отказа от старых (*отсталых*) обычаев. Они, к сожалению, находили *современных* людей, готовых пренебречь традиционным верованиям. Одного состоятельного крестьянина, согласившегося срубить огромное заветное дерево (старую грушу, стоящую в церковном дворе) и отнести остатки домой, настигло наказание двадцать пять лет спустя, когда он погиб в автокатастрофе. Говорят, что после этой трагедии его имя, которое было одним из самых богатых в этой области, стало пропадать, а около дома начал расти бурьян¹⁶.

Подобные верования сохранились до наших дней, и все чаще они встречаются как актуальные новости в ежедневной прессе. Обычно речь идет о конфликте между жителями села, в котором находится священное дерево, и строителями дорог, которые рубят такие деревья, потому что они мешают им при строительстве. Пример подобного рода встречаем в Ягодине: когда гроза с градом охватила эту местность и уничтожила урожай, местные жители трактовали это событие как наказание за срубленное заветное дерево [Раденковић 1996, 190].

Жители села около Лазаревца были вынуждены снести один дуб, считавшийся более ста лет святыней, из-за строительства угольной шахты. После длительных переговоров с местным священником они договорились,

чтобы священник прочитал молитву и благословил рубку дерева и чтобы ствол был использован в постройке церкви; таким образом дерево, хоть и символически, сохранило бы свою функцию. Составляло большую проблему найти добровольца, который первым бы взмахнул топором, что в конце концов сделал один пенсионер, бывший дровосек, у которого не было *религиозных предассудков*. В награду он получил пять тонн сырого угля¹⁷. По той же причине в соседнем месте (Вреоцы) отложена пересадка дикого каштана, находящегося недалеко от сельского кладбища. Когда в начале октября прошлого года это кладбище было перенесено из-за работ, связанных с расширением угольной шахты, жители потребовали от местных властей сохранить это дерево и пересадить его на новое кладбище. Но рабочие отказались выкапывать дерево, потому что боялись *проклятия*. О благоговейном отношении к этому дереву говорит и тот факт, что было очень трудно найти исполнителя для этой работы. Только после вмешательства священников, которые объяснили, что культовое дерево можно перенести в другое место при чтении особой молитвы, когда для этого существуют веские причины, работники согласились это сделать¹⁸. В данном случае глубоко укоренившиеся представления о святости заветного дерева основаны на рассказах о несчастных судьбах жителей этого места, которые актуальны по сей день. Например, один местный житель умер молодым, когда совсем без причины срубил «запис». Ходят слухи, что он сначала потерял сына, который утонул, когда упал в кастрюлю полную воды, а чуть позже погиб и его второй сын. Согласно этому рассказу, проклятие перешло на третье поколение, так как один из его внуков внезапно умер очень молодым. Несчастья прекрати-

¹⁷ URL: <http://www.ilustrovana.com/tekst.php?broj=2700&tekst=01>

¹⁸ URL: <http://www.alo.rs/vesti/reportaza-srbija/zapis-spasla-kletva/6090/> <http://www.alo.rs/vesti/reportaza-srbija/preseljeno-svetto-drvo/10653>

лись, только когда на месте срубленного дерева был посажен дуб, который осыятили священники¹⁹.

Даже в случае, если дерево, считающееся священным, сильно повреждено или *мертво* его никто не использует в хозяйственных целях, а когда оно полностью исчезает, почитается и само место, где оно когда-то стояло [Зечевић 2008, 876]. В области Сврлига даже отпавшие ветви стари дерева, упавшее само по себе от старости, никто не берет на дрова [Петровић 1992, 302]. Похожее записано в Секуриче (Левач): когда засохло заветное дерево (старый вяз), растущий в середине села, никто не посмел снести его. Когда от ветра и старости он упал на землю, его не посмели убрать, и он сгнил [Марковић 1992, 123]. Такая же история связана со старым дубом, когда-то бывшим священным, который сгнил и упал, и никто не посмел его трогать [Ђорђевић 1985, 139]. В поселении Тривена на Завойском озере освященное старое *миро*-дерево — двухсотлетняя груша — упало пять лет назад и продолжает так лежать (его никто не трогает, несмотря на то, что лежит оно на дороге). Хотя священник прочитал молитву и сказал, что дерево можно унести, никто из местных жителей не смеет его трогать, потому что все боятся проклятия²⁰. В одном селе, рядом с Заечаром, дерево, свалившееся также на дорогу, никто не трогает, потому что оно когда-то было заветным. Местные жители даже построили новую дорогу, только чтобы его не трогать²¹. В газетах опубликовано известие о святом дереве — дубе, в Петровце на Млаве, которое вырвал сильный ветер, но никто не хотел даже даром взять его на топку, поскольку это считали большим грехом [Раденковић 1996, 190].

¹⁹ URL: <http://www.alo.rs/vesti/reportaza-srbija/molitvom-protiv-kletve-zapisa/7795>

²⁰ URL: <http://www.smedia.rs/print/spress/1793/Zavojsko-jezero-Kruska-Prokletstvo-Drvo-miro-Zavojsko-jezero-Staro-drvo-kruske-ne-sme-niko-da-takne-zbog-strahod-prokletstva.html>; <http://www.telegraf.rs/vesti/303464-strah-od-prokletstva-sveto-drvo-palo-niko-ne-sme-da-ga-pomeri>

²¹ URL: <http://www.glassrbije.org/srbija/%C4%84%85%86%87%88%89%90%91%92%93%94%95%96%97%98%99%a0%a1%a2%a3%a4%a5%a6%a7%a8%a9%aa%ab%ac%ad%ae%af%b0%b1%b2%b3%b4%b5%b6%b7%b8%b9%ba%bb%bc%bd%be%bf%c0%c1%c2%c3%c4%8>

Если кто-либо все-таки попытается использовать останки святого дерева, его обязательно настигнет наказание. Например, у одного старика умер внук (нога *отсохла*), а другой человек остался без руки. Одну семью уже несколько поколений сопровождают болезни, потому что их предок продал заветное дерево (дуб) цыганам. Хотя он на эти деньги и купил икону для церкви, ему не удалось избежать Божьего наказания [Тојага-Васић 1998, 294]. Об одном огромном старом вязе, который *покинули* (перестали почитать), так как все жители, убегая от турок, переехали в другие края, ходят слухи, что многие пытались его купить у хозяина участка, на котором он рос, но до сих пор никому не удалось срезать даже одну ветвь: *Один человек, пытаясь срубить ветки, порезал топором себе ногу и едва остался живым; другой упал вниз головой и сильно ударился, а третий сломал руку еще на дереве* [Миросављевић 1914, 210].

Заветное дерево не следовало рубить, даже если оно мешало посевам, поскольку считалось, что это хорошо, если оно растет в поле. В этнографической литературе существуют редкие примеры, когда нарушение указанного табу прошло без наказания. Даже если по какой-либо оправданной причине нужно было убрать запись, если, например, от него падала слишком большая тень [Филиповић 1972, 199], эту работу совершали *старые бездетные люди, а настоящие хозяева не хотели и не имели храбрости его рубить* [Тодоровић 2005, 48]. В редких случаях, если, например, ветки дерева мешали посевам, село могло разрешить какому-нибудь цыгану отрубить их, а когда оно совсем засыхало и его решались убрать, тогда его *продавали цыганам на дрова, но иногда его покупали и сербы* [Ђорђевић 1958, 231]²².

²² По мнению некоторых исследователей, исключение цыган из общего закона табу, связанного с заветными деревьями, происходит из их неприятия как этнической и социальной группы в нашем народе, см.: [Ђокић 1986, 161].

Святыню, если речь идет о дереве, приносящем плоды, не следует осквернять и срыванием плодов [Петровић 1948, 214], что заметил еще Вук Караджич: *Если на дереве отмечен такой крест, с него нельзя срывать плоды, нельзя на него забираться, потому что это грех* [Караџић 1852, sv запис]. Срывание листьев или плодов с такого дерева позволено только в случае тяжелой болезни: *Во многих местах старухи берут листья или плоды с дерева с вырезанным крестом, кладут их в воду и купают в ней больного падучей болезнью, и говорят, что многие так выздоравливают. Сухими листьями заветного дерева окуривают слабых людей и детей, страдающих ночными страхами* [Милосављевић 1914, 209].

Избежание какого-либо контакта со святым деревом вне ритуала мотивированно страхом перед наказанием: оно осуществляется в более легких случаях как внезапная болезнь, или повреждение (увечье), или как проклятие, настигающее потомков (рождение увечных детей или, вообще, несчастная судьба последующих поколений), до самой смерти самого нарушителя или членов его семьи (чаще всего мужских потомков), что в худшем случае в конце концов ведет к вымиранию всего рода. Наказание может быть распространено и на членов общины, когда, например, ненастье (чаще всего это гроза с градом) уничтожает посевы. Главное заветное дерево, почитаемое как *центр мира*, и остальные, обозначающие границу села²³, способствуют сохранению целостности определенного коллектива [Ђокић 1986, 169]. На первом плане проявляется основная функция ритуалов литийного обхода — обеспечение благоприятных погодных условий и урожайного года, а более глубокий смысл, его латентная функция — это объединение, т. е. символическое подчеркивание единства определенной общественной группы. Если такое

²³ В этнологических исследованиях указывается, что священное дерево находилось точно на границе территорий двух сел, чтобы (согласно объяснению местных жителей) град бил только *границу*, см.: [Зечевић 1976, 252].

дерево уничтожается, то это чревато опасностью уничтожить сам обряд, о чем свидетельствует следующий пример: в одном селе некий «коммунист» срубил остатки ствола груши, на которой был вырезан крест, и поэтому литии прекратились [Марјановић 1998, 242]. Во всех рассмотренных преданиях доминирует мотив наказания нарушителя запрета на осквернение святого дерева, причем это наказание неизбежно (даже тогда, когда оно выполняется спустя много лет), и в большинстве случаев оно роковое. Таким образом, каждый член определенного коллектива ознакомлен, в какой степени необходимо сохранять центр (*главное заветное дерево*) и остальные важные координаты (заветные *деревья* на границе сельской территории) *совокупного* пространства. Нарушение этого условия может угрожать самому существованию данного коллектива.

Литература

Агапкина 1994 — Агапкина Т. А. Южнославянские поверья и обряды, связанные с плодовыми деревьями, в общеславянской перспективе // Славянский и балканский фольклор. Москва, 1994. С. 84—111.

Барјактаровић 1952 — Барјактаровић М. Р. О земљишним међама у Срба. Београд, 1952.

Васильевић 1996 — Васильевић А. О веровањима и обичајима из Сврљига. Прир. Петровић С. Сврљиг, 1996.

Влаховић 1931 — Влаховић М. С. Средачка Жупа // Зборник за етнографију Јужне Србије и суседних области. Књ. I. Скопље, 1931. С. 27—52.

Грбић 1909 — Грбић С. Српски народни обичаји из среза бољевачког // Српски етнографски зборник. Књ. XIV. Београд, 1909.

Драгојловић 1998 — Драгојловић А. Запис као свети простор у традиционалној заједници // Етно-културолошки зборник. Књ. IV. Сврљиг, 1998. С. 133—137.

Ђокић 1986 — Ђокић Д. Запис као сеоско култно дрво у Старом Костолцу // *Vimipasiump* (Зборник радова Народног музеја у Пожаревцу). Пожаревац, 1986. Књ. I. С. 151—177.

Ђокић 1996 — Ђокић Д. Света места у Пожаревачком Поморављу и Стигу // Књ. 83—84. Расковник, Београд, 1996. С. 117—133.

Ђорђевић 1958 — Ђорђевић Д. М. Живот и обичаји народни у Лесковачкој Морави // Српски етнографски зборник. LXX, 1958. С. 3—724.

Ђорђевић 1985 — *Ђорђевић Д. М.* Живот и обичаји народни у лесковачком крају. Лесковац, 1985.

Ђорђевић 1940 — *Ђорђевић Т. Р.* Страх од рушења светиња // Етнологија. Књ. 1/3. Скопље, 1940. С. 179—180.

Зечевић 1976 — *Зечевић С.* Герман, обичај за добијање или спречавање кише // Гласник Етнографског музеја у Београду. Књ. 39—40. Београд, 1976. С. 249—263.

Зечевић 2008 — *Зечевић С.* Заветина у североисточној Србији // Српска етномитологија. Београд, 2008. С. 869—889.

Ивановић-Баришић 1995 — *Ивановић-Баришић М.* Један запис о крстоношама (из околине Ивањице) // Расковник. Књ. 81—82. Београд, 1995. С. 48—49.

Караџић 1852 — *Караџић В. С.* Српски ријечник истумачен њемачким и латинским ријечима. Беч, 1852 // (Сабрана дела Вука Караџића, књ. 11, прир. Кашић Ј.). Београд, 1986.

Караџић 1867 — *Караџић В. С.* Живот и обичаји народа српскога. Беч, 1867 // Етнографски списи В. С. Караџића. Прир. Филиповић М. С. (Сабрана дела В. С. Караџића). Београд, 1972.

Марјановић 1998 — *Марјановић М.* О селској светковини са посебним освртом на Малу Каменицу у Неготинској Крајини // Етно-културолошки зборник. Књ. IV. Сврљиг, 1998. С. 239—244.

Марковић 1992 — *Марковић Б.* Записи из Левча. Параћин, 1992.

Матић 2009 — *Матић М.* Социјална организација у селима у околини Пирота // Гласник Етнографског музеја у Београду. Књ. 73. Београд, 2009. С. 13—64.

Мијатовић 1907 — *Мијатовић С. М.* Обичаји српског народа из Левча и Темнића // Српски етнографски зборник. Књ. VII. Београд, 1907.

Милићевић 1894 — *Милићевић М. Ђ.* Живот Срба селјака // Српски етнографски зборник, Књ. I. Београд, 1894.

Милосављевић 1914 — *Милосављевић С. М.* Српски народни обичаји из среза хомолског // Српски етнографски зборник. Књ. XIX. Београд, 1914.

Милошевић-Ђорђевић 2006 — *Милошевић-Ђорђевић Н.* Од бајке до изреке. Београд, 2006.

Недељковић 1990 — *Недељковић М.* Годишњи обичаји у Срба. Београд, 1990.

Пантелић 1974 — *Пантелић Н.* Етнолошка грађа из Буцака // Гласник Етнографског музеја. Књ. 37. Београд. С. 179—228.

Петровић 1948 — *Петровић П. Ж.* Живот и обичаји народни у Грузи // Српски етнографски зборник. Књ. LVIII. Београд, 1948.

Петровић 1992 — *Петровић С.* Културна историја Сврљига // Магија, митологија и обичаји. Књ. I. Ниш; Сврљиг, 1992.

Петровић 1998 — *Петровић С.* Демонстрација обичаја о Тодоровој суботи, обредним хлебовима и о дрвету «миро» // Етно-културолошки зборник. Књ. IV. Сврљиг, 1998. С. 329—330.

Раденковић 1996 — *Раденковић Љ.* Символика света у народној магији Јужних Словена. Ниш, 1996.

СМР — Српски митолошки речник. Прир. Кулишић Ш. и др. Београд, 1998 (2 доп. изд.).

Тодоровић 2005 — *Тодоровић И.* Ритуал ума: значење и структура литијског опхода. Београд, 2005.

Тојага-Васић 1998 — *Тојага-Васић Љ.* Заветине у нишким селима // Етно-културолошки зборник. Књ. IV. Сврљиг. С. 291—328.

Трифуноски 1975 — *Трифуноски Ј.* Култно дрвеће у Скопској Црној Гори // Гласник Етнографског института Српске академије наука и уметности. Књ. XXIV. Београд. С. 129—136.

Филиповић 1972 — *Филиповић М. С.* Таковци // Српски етнографски зборник. Књ. LXXXIV. Београд, 1972.

Чајкановић 1940 — *Чајкановић В.* Култ дрвета и биљака код старих Срба // Српски књижевни гласник. Књ. LX/2. Београд, 1940. С. 112—122.

Чајкановић 1994 — *Чајкановић В.* Речник српских народних веровања о биљкама // Сабрана дела В. Чајкановића. Књ. 4. прир. Ђурић В. Београд, 1994.

Bandić 1980 — *Bandić D.* Tabu u tradicionalnoj kulturi Srba. Beograd, 1980.

Radić 1995 — *Radić R.* Verom protiv vere (Država i verske zajednice u Srbiji 1945—1953). Beograd, 1995.

Перевод с сербског Анжели Прохоровој.

Summary. *The paper discusses the honouring (cult) of trees in Serbian folklore tradition, or the understanding of certain trees as sacred places (the so-called sanctities), which results from widely spread beliefs in their special (magical) power. Due to that, the people's relation to such places of cult is always full of awe, which is especially reflected in numerous local legends about specific trees (inscriptions) that grow within an area of a village community. A common motif that occupies a central place in all such legends, no matter which type of tree is in question, is forbidding its desecration (cutting a whole tree or breaking/tearing off any of its parts) and unwanted consequences for a person or a community if they disregard the prohibition.*

Key words: *cult of trees, sacred trees, legends, Serbian traditional culture.*